

Kšicová, Danuše

Крупные достижения венгерского литературоведения

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. X, Řada literárněvědné slavistiky. 2006, vol. 55, iss. X9, pp. 284-285

ISBN 80-210-3987-6

ISSN 1212-1509

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/102906>

Access Date: 18. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

nemůže zastavit, nestojí totiž vně dějinného vývoje, ale je jeho součástí. Člověk touží po zastavení času a nesmrtelnosti, ale zároveň po pohybu a změně, je nadšen idylou, ale vzápětí ji snižuje, neboť chce být spoluvůrcem skutečnosti. V statické idyle je naopak lidská aktivita, uvádějící v pohyb hodnocení, myšlení a činy, nežádoucí, neboť vede k její likvidaci.

Chci tím říci, že Gogolovo dílo vyvolává mnohem širší okruh úvah, spojený s romantickou ironií a jejími ruskými podobami, resp., že je třeba – nehledě na to, co jsem pochvalně uvedl na počátku – jeho dílo a vůbec samo téma romantismu a romantické ironie pevněji začlenit do internacionálního a interdisciplinárního kontextu, zmezinárodnit je. Tomu by měl odpovídat i podstatnější podíl využívání sekundárních děl neruských a nevýchodoslovanských badatelů, zvláště když zejména mladší generace již dávno překonaly jazykové bariéry.

Na druhé straně je třeba ocenit, že autor dává německé úloze v ruské literatuře místo, jaké jí náleží – stejně jako jeho předchůdce J. V. Mann. To by se mohlo více zdůraznit i v těch Gogolových prózách, u nichž se již tradičně uvažovalo o maloruské (ukrajinské) folklórní (tedy romantizující) inspiraci, např. v uvedených dvou povídkových sbírkách; je v nich více literárního, tedy hoffmannovského než ukrajinsky folklórního (Vij, Soročinský trh). Rozpojení těchto raných povídkových sbírek a petrohradských povídek včetně Pláště není tedy tak velké.

Jádro Smirnovovy knihy leží v komparativní teorii a z ní vyplývající konkrétní materiálové analýze. A ovšem ve zmapování tématu z hlediska sekundárních ruskojazyčných zdrojů. Je to dobrý příklad „grodněnského přístupu“ k literatuře, široce srovnávacího, otevřeného, poetologického a filozofujícího.

Ivo Pospíšil

КРУПНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ВЕНГЕРСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Поэтический мир Бориса Пастернака. Studia Russica XIX, 167–511.

Литературоведение. Под редакцией Анны Хан. Budapešť 2001, 436 s.

Литература и визуальность. Под редакцией Анны Хан и Жужи Хетени. Studia Russica XXI, Budapešť 2004, 436 s.

Sub Rosa. In Honorem Lenae Szilárd. Red. Denisa Atanasova-Sokolova, Anna Han, Attila Hollós. Budapešť, EFO Kiadó 2005, 652 s.

Три объемных сборника, вышедших в течение нескольких последних лет, вновь подтверждают высокий уровень венгерской русистики. В том же самом я могла убедиться уже раньше, приняв участие в нескольких конференциях, организованных университетами в Дебрецене, Печи, Будапеште и читая лекции в Сегаде и в будапештском докторском семинарии, возглавляемом Анной Хан, которая стала душой всех упомянутых томов. К заслугам издателей принадлежит тот факт, что им удалось привлечь к сотрудничеству ряд венгерских и зарубежных литературоведов.

Пастернаковский сборник содержит статьи, исследующие философское начало отдельных стихотворений, а также лирических циклов. Его поэтическое наследие изучается в типологическом и интертекстуальном сравнении с русским и европейским контекстом. Внимание уделяется не только его современникам: Мандельштаму, Ахматовой, Маяковскому, Цветаевой, а также Набокову или видному западноевропейскому экспериментатору Вирджинии Вульф. Сосредоточенное внимание уделяется романтизму, символизму, импрессионизму и футуризму в сопоставлении не только с лирическим, а также с литературоведческим наследием Пастернака. В связи с тем, насколько важным феноменом был в модернизме и авангарде сам поэтический язык, стоит упомянуть статью Каталин Теллер *Отзвуки концепции поэтического языка Андрея Белого и Велемира Хлебникова в ранних теоретических статьях Бориса Пастернака.* У автора столь широкого диапазона оценивается также внимание, уделяемое изучению взаимоотношения его поэзии и прозы (А. Радионова).

С интердисциплинарной ориентацией докторского семинария Анны Хан связан сборник *Литература и визуальность*. Из первоначального замысла издать сборник докладов, прочитанных на международной конференции, состоявшейся весной 2002 г. в Будапеште при участии великобританских молодых коллег, возник довольно объемный том, в котором приняли участие также многие другие венгерские и зарубежные ученые.

Сборник состоит из шести тематических отделов. От проблем экфрасиса в литературе переходит к приемам визуализации и ее функциям в системе словесных преобразований. Вслед за тем уделяется внимание взаимоотношению литературы, кинематографа и фотографии, проблемам слова и театра, литературы и изобразительного искусства. Шестая, заключительная часть, обсуждает зрительное восприятие и его трансформации в искусстве слова. Интерес исследователей сосредоточивается на литературе и искусстве 19–20-го веков, начиная с Карамзина, Гоголя через Тургенева, Достоевского и Л. Н. Толстого по Леониду Андрееву, Александра Блока, Николая Гумилева, Андрея Белого, Андрея Платонова, Владимира Маяковского, Исаака Бабеля, Бориса Пастернака, Михаила Булгакова и пр. Из видных кинорежиссеров можно упомянуть Андрея Тарковского, из художников – живописцев Мира искусства или в Чехии натурализованного Григория Мусатова.

В прекрасно оформленном сборнике, изданном к семидесятилетию видной русско-венгерско-итальянской исследовательницы Лены Силард, был применен издательски наиболее простой, но для читателя менее интересный прием алфавитного членения по авторам статей. Кроме преобладающих венгерских исследователей в нем приняли участие многие русские и американские литературоведы, ряды которых дополнили коллеги из Италии, Польши, Харватии, Сербии, Голландии и Чехии. Естественно, тематика сборника узко связана с главными исследовательскими интересами Лены Силард, недавно привлекая внимание ученых книгой *Герметизм и герменевтика* (СПб. 2002). Глубокопродуманная, подробная рецензия этой книги помещена в заключительной части сборника *Литература и визуальность* (István Nagy, *В поисках забытого предания...*), образующая некое введение к юбилейному сборнику Лены Силард. Круг интересов его авторов весьма широк. Он обнимает литературу от сугубо теоретических проблем до исследования литературного процесса, начиная с библистики и русской переводной литературы 17 века через видных представителей 19 века (Кылов, Чаадаев, Гоголь, Лермонтов, Тютчев, Достоевский) вплоть до главных участников модернизма и авангарда (В. Соловьев, В. Иванов, А. Блок, А. Белый, Б. Пастернак, Г. Чулков, В. Хлебников и пр.). Предметом исследования являются важнейшие проблемы литературы 20 века (напр. новый роман).

Все упомянутые книги содержат множество материалов, полезных для всех интересующихся русской литературой и культурой.

Daniše Kšicová

PRAŽÁKOVA ŽIVOTNÁ AKTIVITA V OBRAZE A REFLEXII

Albert Pražák: *Politika a revoluce. Paměti.* Academia, Praha 2004, 256 s.

Memoárová literatúra bola v poslednom čase zásluhou editorov Miloša Zelenku a Stanislava Kokošku obohatená o knihu Alberta Pražáka *Politika a revoluce* (Praha 2004). Z úvodnej edičnej poznámky sa dozvedáme, že práca vychádza z rukopisu ochraňovaného Pražákovou dcérou Hanou Pražákovou-Drábkovou a že pri vydaní textu boli použité moderné edičné zásady. Kniha je skutočne po edičnej stránke pripravená príkladne s príslušnými vysvetlivkami a dôkladnými poznámkami. Navyše ju doprevádzajú štúdie oboch editorov, pričom prvá z nich bola rozšírená o časť pripravenú Ivom Pospíšilom sústredujúcu sa na štruktúrno-typologickú a genologickú charakteristiku textu s dôrazom na jeho synkretickosť a v sémantickej polohe na faktografickosť kontaminovanú so zážitkovou reflexiou či sebareflexiou („*Věčnost se v Pražákově práci projevuje především sle-*